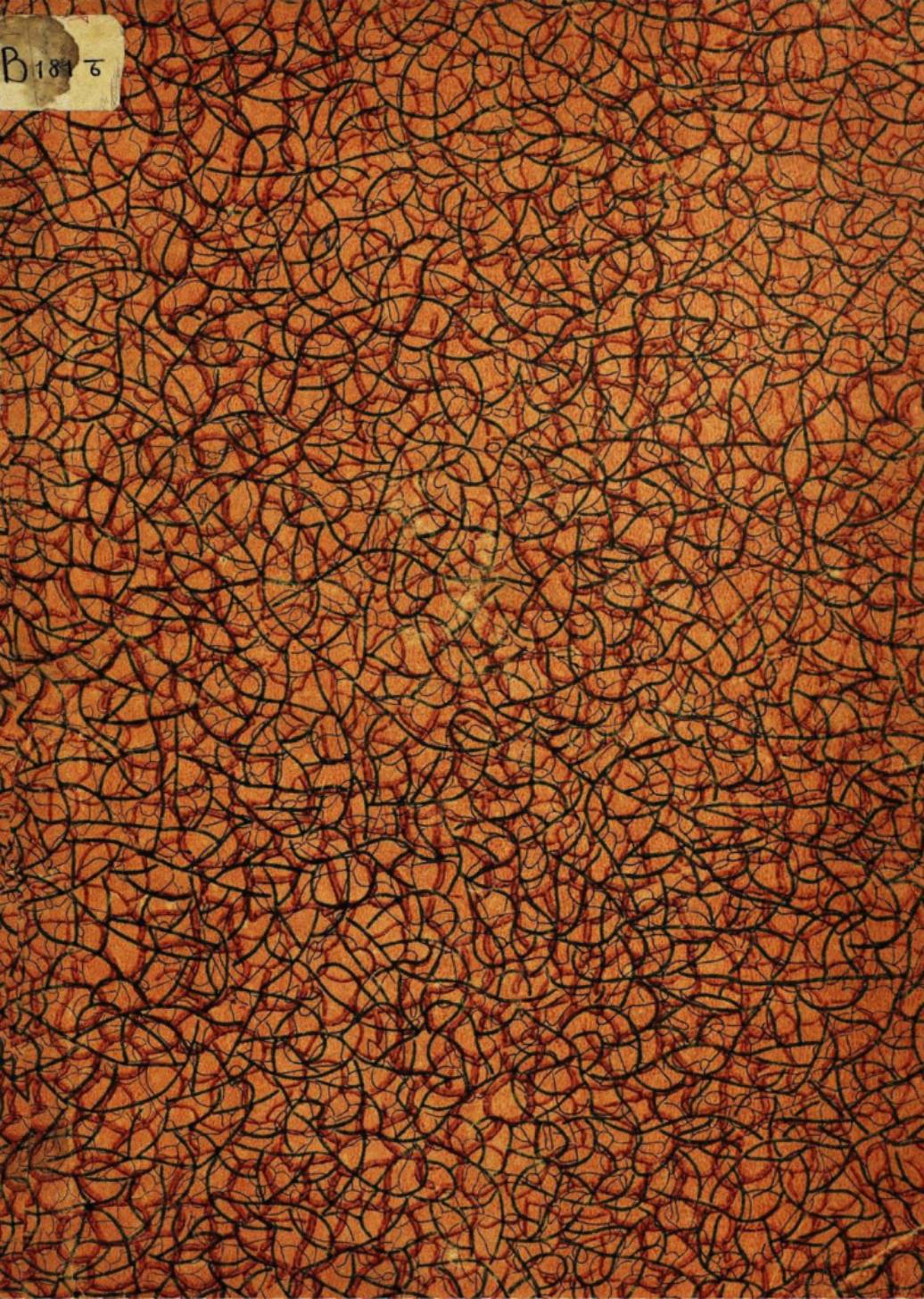
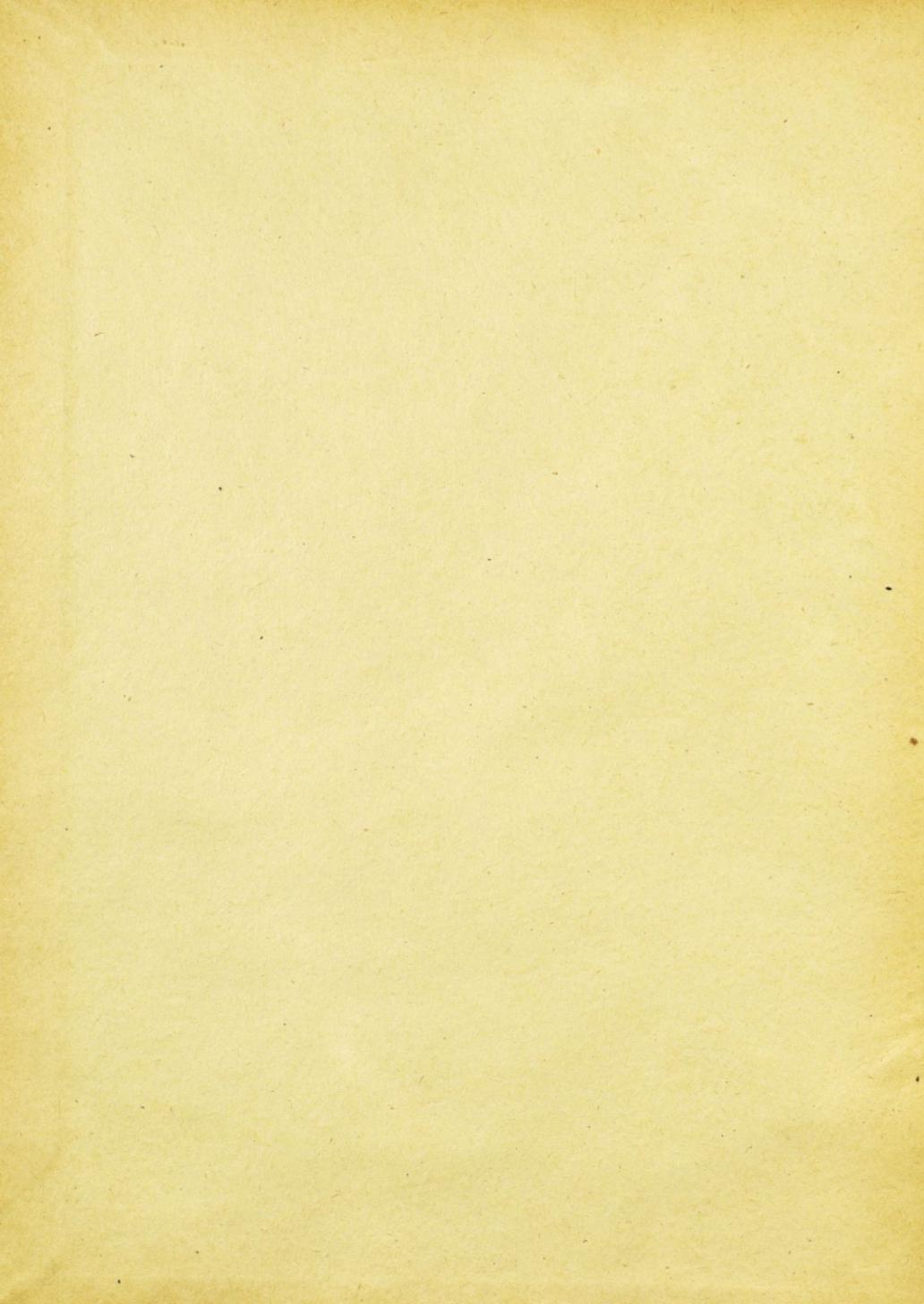
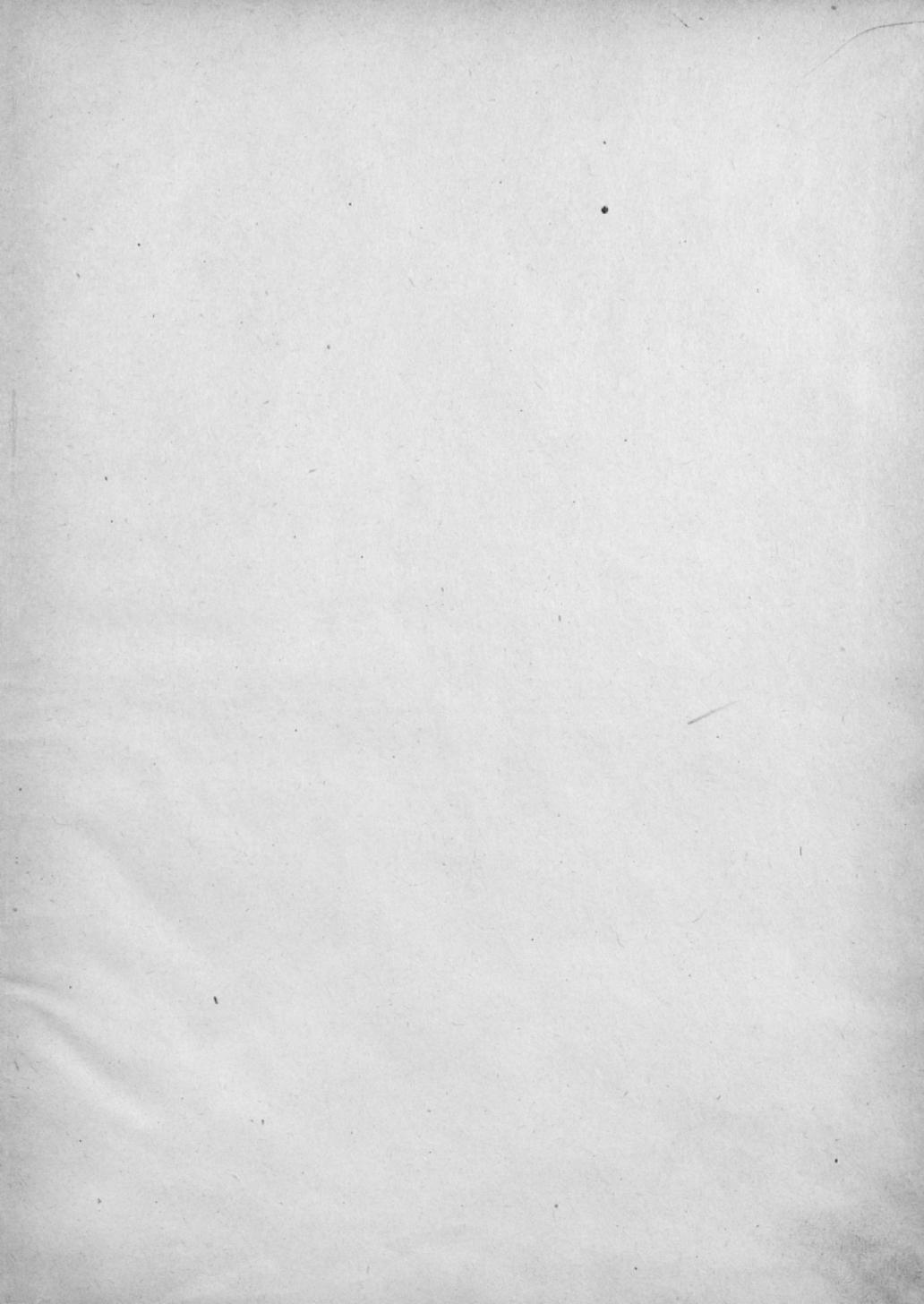

B181 7

24/55
С
Дан
5642

5375/10

О Костромѣ въ историко-археологическомъ отношеніи.

И. Миловидова.

Имѣя честь быть приглашеннымъ на археологическій сѣздъ въ качествѣ члена Костромской Архивной Коммиссіи, долгомъ считаю сообщить о результатахъ моихъ археологическихъ и историческихъ изысканій и работъ. Результаты моихъ еще непродолженныхъ начальныхъ работъ по исторіи Костромы слѣдующіе:

Предшествующіе труды по исторіи Костромы, особенно въ отдѣлѣ начальнаго періода ея исторіи, оказались не выдерживающими критики. Думаю, что достаточно привести здѣсь на выдержку начальныя строки труда князя Козловскаго „Взглядъ на исторію Костромы 1840 г.“, гдѣ говорится, что страна, занимаемая теперь Костромою, вѣроятно, была обитаема народами славянскаго поколѣнія, именовавшимися Мери. Очевидна здѣсь крупная историческая ошибка въ названіи Мери племенемъ славянскимъ вмѣсто финскаго, хотя бесспорно, что еще въ древнѣйшую доисторическую пору между мерянами были славянскіе колонисты, скоро съ ними слившіеся. Князь Козловскій, впрочемъ, не оговариваетъ этого. Не останавливаясь на мѣстныхъ остаткахъ отъ племени Мери, не указывая на сохранившіеся отъ него названія нѣкоторыхъ мѣстностей, городовъ и рѣкъ, не предлагая хотя краткой характеристики быта Мерянь по недостатку, конечно, въ его время археологическихъ данныхъ, князь Козловскій пытается установить взглядъ на начальную исторію города Костромы и объяснить названіе города Костромою. Попытка оказывается неудачной, потому что основывается на произвольныхъ предположеніяхъ и толкованіяхъ. Князь Козловскій говоритъ, что гг. Кострому и Галичъ построилъ князь Суздальскій Юрій Долгорукій. Мнѣніе это произвольно. Въ лѣтописяхъ не говорится, чтобы Юрій Долгорукій построилъ эти города. Изъ лѣтописи, правда, известно, что Юрій Долгорукій былъ колонизаторомъ Ростовско-Суздальской земли и строителемъ городовъ въ ней, но изъ этого никакъ не слѣдуетъ еще заключать, чтобы онъ соорудилъ всѣ города въ Ростовско-Суздальской землѣ. Мы должны слѣдовать сказаніямъ лѣтописцевъ, между тѣмъ они говорятъ о построеніи Юріемъ Долгорукимъ только городовъ въ Ростовско-Суздальской землѣ слѣдующихъ: Дмитрова, Боголюбова, Юрьева Польскаго, Княскитина или Княскитина при впаденіи большой Нерли въ Волгу, Москвы

284/5

(по сказанию Тверской летописи в 1156 г.), о перенесении Переяславля от Клещина на другое место и о заложении этого города больше прежнего.

Татищев в Российской истории в кн. III-й на стр. 76-й говорит, что Юрий Долгорукий „зачал строить в области своей многие города, созывая людей отовсюда, в которые, прихода множество болгар, мордвы, венгров, кроме русских, селился“. Заключать отсюда, как дѣлает князь Козловскій, что в числѣ этихъ многихъ городовъ были построены Юриемъ Долгорукимъ Кострома и Галичъ, произвольно. Наши историки: Карамзинъ, Соловьевъ, Д. И. Иловайскій и др. не высказываются ясно о времени построения или возникновения городовъ Костромы и Галича. Г. Соловьевъ напр.: говоритъ только, что Кострома построена в эпоху стремления сѣверныхъ князей распространять колонизацию внизъ по Волгѣ. „Города строились съ расчетомъ при главныхъ изгибахъ рѣки и при устьяхъ значительныхъ ея притоковъ; такъ построена Кострома при поворотѣ Волги на югъ при впаденіи въ нее рѣки Костромы, Юрьевецъ Поволжскій при слѣдующемъ большомъ колѣнѣ или поворотѣ Волги на югъ, при впаденіи въ нее р. Упжи, наконецъ Нижній-Новгородъ при впаденіи **Оки** въ Волгу. Здѣсь на время остановилось естественное стремление сѣверныхъ князей внизъ по Волгѣ къ предѣламъ Азіи“ (Истор. Сол. I т. стр. 31). Итакъ, ни летописцы, ни историки не даютъ яснаго и опредѣлпаго отвѣта на вопросъ: когда, т.-е. въ какомъ вѣкѣ возникли гг. Кострома и Галичъ или кѣмъ они построены? Летописцы упоминаютъ о нихъ какъ о городахъ, уже существовавшихъ въ Ростовско-Суздальской землѣ при разсказѣ объ историческихъ событіяхъ, коснувшихся и ихъ. Такъ о Костромѣ въ первый разъ упоминается въ спискахъ летописей Воскресенской и Тверской, подъ 1213 г., при разсказѣ объ усобицѣ между сыновьями великаго князя Всеволода III-го, Константиномъ Ростовскимъ и Юриемъ Владиміро-Суздальскимъ, когда Кострома была сожжена Константиномъ и жители ея были отведены въ плѣнъ въ Ростовъ. **О** Галичѣ въ разныхъ летописяхъ въ первый разъ упоминается подъ 1237 г. при разсказѣ о нашествіи татаръ на Суздальскую землю: „и тѣ (татары) поплѣнили всѣ грады по Волгѣ и до Галича мерскаго“, въ нѣкоторыхъ летописяхъ сказано: „до Галича владимирскаго“. Изъ первоначальныхъ летописныхъ упоминаній о Костромѣ и Галичѣ мы заключимъ только, что въ первой половинѣ XIII в. эти города существовали въ Ростовско-Суздальской землѣ, и такъ какъ о Костромѣ упоминается еще въ началѣ XIII в., то мы вправе заключить, что опъ, какъ городъ приволжскій, существовалъ въ Суздальской области въ концѣ, по крайней мѣрѣ, и XII вѣка, равнымъ образомъ то же предположительное заключеніе можно сдѣлать и о Галичѣ. Возводить же древность этихъ городовъ далѣе въ глубь, на основаніи приведенныхъ летописныхъ сказаній, мы не можемъ. Такимъ образомъ вопросъ остается открытымъ: когда возникли гг. Кострома и Галичъ?

При развитіи въ настоящее время русской археологіи, можно найти ключъ къ рѣшенію этого любопытнаго вопроса въ трудахъ и изысканіяхъ археологовъ. Капитальный трудъ въ области русской археологіи — это исследование графа Уварова „о бытѣ мерявъ по курганнымъ раскопкамъ“ (Москва 1872 г.). Въ немъ на стр. 47 читаемъ: „Городища, мы полагаемъ, можно причислить къ памятникамъ того же народа, т.-е. мерявъ. Найденные въ Городищахъ желѣзные предметы неоспоримо приурочиваютъ эти

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР

768418 ✓✓

пасынкъ къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, слѣдовательно, къ тому уже времени, когда эти мѣстности заняты были мерянскимъ племенемъ. Впрочемъ графъ Уваровъ обычай насыпать городища не усвоить только мерянамъ, но говорить, что это былъ общенародный обычай у всѣхъ племенъ желѣзнаго вѣка. Городища, продолжаетъ графъ Уваровъ, находятся болѣею частью возлѣ селеній или урочищъ, доселѣ сохранившихъ названія: Городище, Городокъ и т. п. Потому самое названіе Городище перешло въ наименованіе селеній и сохранило память о прежней насыпкѣ. Мы полагаемъ, говоритъ графъ Уваровъ, что Городища, занимая центральное положеніе и, вѣроятно, самое лучшее, возвышенное мѣсто по среднѣ мерянскихъ поселеній служили, укрѣпленными мѣстами для самыхъ жилищъ обитателей. Прямая уже связь некоторыхъ городищъ съ городами какъ бы подтверждаетъ догадку, что въ древнѣйшія времена городища были населены и составляли первоначальный центръ обшества для будущихъ городовъ. Такимъ образомъ Перяславль перенесенъ изъ теперешняго села Городища на устье р. Трубежа, Судаль тоже вѣрно находилась прежде у сельца или теперешній кремль его занимаетъ мѣсто древняго городка; замѣтно, что внутренняя часть городищъ была занята жилищами, но какого они были рода: были ли это землянки или деревнищя постройки, мы ничего положительнаго не знаемъ. Раскапывая городище, мы находимъ только груды углей, множество разбитыхъ черепковъ и кое-какіе слѣды сгнившаго дерева. Въ сказаніяхъ восточныхъ писателей встрѣчаются некоторые свѣдѣнія о способѣ и формѣ построекъ у руссовъ, подъ которыми арабскіе писатели разумѣли всѣхъ обитателей Руси или иностранцевъ, приходившихъ изъ Руси торговать въ Болгарахъ, были то варяги, славяне или обрусѣвшіе финны (Мера, Муромъ, Вель и др.). Арабскій писатель Ибнъ-Дастъ рассказываетъ, что холоды въ ихъ (славянъ) странѣ бываетъ до того сильны, что каждый изъ нихъ выкапываетъ себѣ въ землѣ родъ погреба, къ которому притѣлываетъ деревянную остроконечную крышку и на крышку накладываетъ землю. Въ такіе погреба переселяются со всѣмъ семействомъ и, взявъ нѣсколько дровъ и камней, зажигаютъ огонь и раскаляютъ камня до вышей степени, обливаютъ ихъ водою, отъ чего распространяется паръ, нагрѣвающей живле до того, что снимаютъ уже одежду. Въ такомъ жилищѣ остаются до весны. Городища разбросано много въ области, занимаемой въ старину мерянами. Въ Ярославской губерніи ихъ насчитываютъ 12. Кромѣ этихъ двѣнадцати, существуетъ еще много селеній, такъ же называемыхъ городищами, возлѣ которыхъ несомнѣнно прежде находились земляныя насыпки. Пять селеній съ такими насыпками и названіями представляютъ цѣль по берегамъ Волги въ Калужскомъ уѣздѣ (Гверской губерніи), Угличскомъ, Рыбинскомъ, Ярославскомъ и Костромскомъ уѣздахъ. Но Костромскія и Нижегородскія городища по мнѣнію графа Уварова еще мало изслѣдованы и мало извѣстны. Приведенное мѣсто изъ труда графа Уварова даетъ, какъ мы сказали, ключъ къ рѣшенію поставленнаго нами вопроса о началѣ г. Костромы. Противъ г. Костромы, на противоположномъ правомъ берегу Волги, на возвышенномъ холмѣ, расположено селеніе Городище. Въ виду интереса, какой можетъ имѣть эта мѣстность для начальной исторіи г. Костромы, мы отправились туда, чтобы осмотрѣть ближе мѣстность и узнать преданія, связанныя съ нею, узнать, не найдено ли здѣсь какихъ-нибудь вещественныхъ памятниковъ старины. При бѣгломъ осмотрѣ мѣста, можно

замѣтить, что возвышеніе, на которомъ находится церковь в селцо, господствуетъ надъ окрестностью и даетъ поводъ предполагать, что оно не сполна, по крайней мѣрѣ, естественное, но увеличено еще и насыпною землею. Потомъ мы узнали отъ одного сторожика этого селца, что когда онъ рылъ подъ горой по направленію къ Волгѣ, то нашелъ въ землѣ какой-то срубъ въ родѣ погребя, находилъ черепки (остатки посуды), камня и наконецъ, когда распахивалъ поле по юго-восточному склону горы, то нашелъ здѣсь шесть серебряныхъ монетъ. У него сохранились только три монеты. Двѣ монеты оказались съ надписями на одной сторонѣ, а на противоположной имѣются какія-то украшенія. На третьей монетѣ, очевидно, болѣе поздняго періода, надписи нѣтъ, а на другой сторонѣ — всадникъ Георгій Побѣдоносецъ. Двѣ первыя монеты, по имѣющимся на нихъ надписямъ, хотя не совсѣмъ звѣственнымъ и полнымъ, слѣдуетъ относить, мы думаемъ, къ началу XIV в. На одной монетѣ сохранились остатки имени князя Юрія Даниловича и на другой какъ будто царя Узбека (ханъ Узбекъ нач. XIV в.). Любопытно было бы видѣть три монеты, которыя у обладателя ихъ затерялись. Онѣ, по его словамъ, были разнѣромъ больше этихъ сохранившихся монетъ, ходившихъ по Руси въ удѣльный періодъ. На основаніи сохранившихся монетъ, по нашему мнѣнію, начала XIV в., найденныхъ въ мѣстности близъ нынѣшняго селца Городища, можно полагать, что въ началѣ XIV в. эта мѣстность была населенная и торговымъ людемъ. Находки же здѣсь въ землѣ остатковъ отъ построекъ и черепковъ отъ посуды еще болѣе подкрѣпляютъ это предположеніе и наводятъ на мысль, что Городище это было такое же, можетъ быть, мерянское, о какихъ говорятъ въ графѣ Уваровѣ. Сколько мы могли узнать, сохранилось немного преданій, связанныхъ съ нынѣшнимъ селеніемъ Городища, такъ напр.: будто городъ (Кострома) назывался здѣсь первоначально, т.-е. основатель болѣе поздняго города Костромы предполагая основать его на мѣстѣ стараго городка, вѣроятно, находившагося здѣсь. Хотя церковь городащенская по стилю не очень древняя, тѣмъ не менше въ ней есть нѣсколько старинныхъ предметовъ церковной утвари, а на одномъ церковномъ оловянномъ блюдѣ XVIII в. мы видѣли такую надпись: „сіе блюдо г. Костромы церкви св. Іоанн, что на Горолащѣ“. Между тѣмъ городащенская церковь причисляется къ городскимъ церквамъ. Очевидно, что въ XVIII в. было живуче преданіе о существованіи на этомъ мѣстѣ въ древности г. Костромы. Иначе почему бы называть церковь эту церковью г. Костромы, когда она не относилась къ городскимъ церквамъ подобно церквамъ селъ Никольскаго и Спасскаго на этой же противоположной сторонѣ Волги. Вещественные памятники и преданія, о которыхъ намъ пришлось узнать при первомъ и блголомъ осмотрѣ мѣста, занимаемаго нынѣ селцомъ Городище противъ г. Костромы, даютъ поводъ думать, что прежде основанія г. Костромы на нынѣшнемъ его мѣстѣ въ древности былъ городокъ, можетъ быть, мерянской, на противоположной сторонѣ Волги, на возвышеніи, занимаемомъ нынѣ селцомъ Городище. Эта мѣстность оставалась, вѣроятно, населенною продолжительное время, в селеніи сохраняло свое прежнее значеніе городка, вѣроятно, долго спустя послѣ основанія или, вѣрнѣе, перенесенія Костромы на настоящее ея мѣсто. Иначе какъ объяснить присутствіе въ землѣ близъ Городища старинныхъ монетъ? Можетъ быть, кромѣ найденныхъ случайно монетъ, еще нѣсколько ихъ находится доселѣ въ землѣ и, можетъ быть, болѣе ранняго періода. По нашему

мѣнѣю, возвышенна мѣстность, занятая сельдомъ Городище, требуетъ и ждетъ изслѣдованія. Возможная находка здѣсь памятниковъ старины много содѣйствовала бы уясненію начальной исторіи г. Костромы. Упомянемъ здѣсь кстати еще объ одномъ селеніи противъ нынѣшней Костромы, находящимся на правомъ же берегу Волги съ названіемъ, свидѣтельствующимъ также о его древности, это селеніе, теперь называемое Селище (названіе съ окончаніемъ на ище свидѣлствуетъ о древности селенія), въ старину же именуемое Новое село или Новоселки. Оно упоминается въ историческихъ актахъ еще въ XIV ст., какъ прикупка Іоанна Калиты. Нѣтъ сомнѣнія, что оно существовало и ранѣе этого князя. Не свидѣлствуетъ ли и оно, что мѣстность по горной, правой сторонѣ Волги была въ старину заселена, что были здѣсь въ старину и природнія слободы и селенія? Мы не хотимъ этимъ сказать того, что лѣвая сторона Волги была совершенно пустынною. Очень можетъ быть, что и здѣсь были же поселенія, особенно при устьѣ рѣки Костромы. Но это мы можемъ только предполагать; утверждать же съ такою очевидностію, какъ относительно праваго берега, не имѣемъ основаній, потому что въ настоящее время на лѣвомъ берегу Волги или въ предѣлахъ нынѣшняго города Костромы мы не находимъ ни одной мѣстности съ названіемъ, которое свидѣлствовало бы о ея древности, напр. съ названіемъ: Городище, Горококъ, или какъ наприимѣръ въ Ярославль: „Рубленый городъ“.

Изслѣдованія археологовъ свидѣлствуютъ о существованіи многихъ городковъ въ Ростовско-Суздальской землѣ, населенной въ древности большею частію мерянами. Въ Ярославской губерніи насчитываютъ 12 городковъ, изъ коихъ Ростовскіе городки, расположенные не въ дальнемъ одинъ отъ другого разстояніи, представляютъ какъ бы оборонительную цѣпь, протянутую въ длину верстъ на восемьдесятъ между Переяславлемъ и окрестностями Ростова. Изслѣдователи полагаютъ, что они служили для защиты первоначальныхъ мерянскихъ жилищъ у обоихъ озеръ, т.-е. Неро и Клещина. Во Владимирской губерніи тоже много находится остатковъ древнихъ городковъ. Г. Соловьевъ говоритъ: „по нашему лѣтописцу видно, что финны имѣли города, подобно славянамъ терфида отъ родовыхъ усобищъ по изгнаніи варяговъ, вслѣдствіе чего вмѣстѣ съ нами и призвали князей. Волѣе ясное упоминаніе о существованіи городковъ у древнихъ обитателей сѣверной и сѣверо-западной Руси мы находимъ у лѣтописца Псковскаго подъ № 854, „всташа же Новгородци и Кривичи и Меря и Чудь на Варяги и изгнаша ихъ на море и начаша владѣти сами себѣ и города ставити и бысть между ими рать, градъ на градъ и не баше правды“. У другихъ лѣтописцевъ говорится только: „начаша города ставити“, но выраженіе (всташа) градъ на градъ замѣнено другимъ: родъ на родъ. Если мы обратимся къ названію г. Костромы, то оно также должно наводить насъ на мысль о древнѣйшемъ возникновеніи этого города. Князь Козловскій названіе города Костромы производитъ совершенно произвольно отъ г. Костра, бывшаго въ Ливоніи, недалеко отъ нынѣшняго Дерпта, или отъ замка Кострума, гдѣ послѣ построены г. Ревель. Основаніе для названія города Костромою отъ замка Кострума князь Козловскій видитъ въ сходствѣ мѣстоположенія Костромы съ мѣстоположеніемъ этого замка. Не трудно замѣтить всю несообразность такого словопроизводства. Такимъ способомъ можно названіе Костромы

привести не только от замка или города в Ливоніи, а пожалуй откуданибудь и подальше, даже из Африки, если бы там нашлась сходная мѣстность и съ названіемъ подобнымъ. Впрочемъ князь Козловскій присоединяетъ и молву старожиловъ, что названіе города происходитъ отъ наименованія рѣки Костромы, а послѣдняя будто бы получила свое названіе отъ заготовляемаго зимою при берегахъ ея величайшими костоми лѣса, сплавляемаго весною въ г. Кострому. Графъ Уваровъ въ томъ же изслѣдованіи „О бытѣ мерянъ по курганнымъ раскопкамъ“, предлагаетъ такое словопроизводство названія города Костромы: онъ говоритъ, что въ Костромской и смежныхъ съ нею губерніяхъ донынѣ въ народѣ употребительнъ языкъ, не похожій на славянскій или русскій, оставшійся въ народѣ таинственнымъ подъ названіемъ въ Нерехтѣ Элтонскаго (отъ слова Элтышь — бембѣль, языкъ бембѣнянниковъ). Этому языку одолжены названія вѣдшихъ городовъ: Костромы и др. Костръ, Кострыга — городъ съ присоединеніемъ къ этому слову мордовскаго масть — красивый, образуется названіе города Костромы — красивый городъ. — Вѣрно ли такое словопроизводство, рѣшительно сказать трудно. Сомнѣніе въ вѣрности этого словопроизводства можетъ возникнуть потому уже, что приходится составлять названіе города Кострома изъ двухъ словъ; одного изъ языка такъ называемаго теперь Элтонскаго, другаго Мордовскаго, что едва ли отвѣчаетъ дѣйствительности, такъ какъ трудно составить одно слово изъ двухъ нарѣчій, тѣмъ болѣе, если они принадлежали и двумъ отдѣльнымъ народностямъ. — Обратимся къ древнерусской мѣологии. Въ числѣ языческихъ праздниковъ и обрядовъ, въ которыхъ выразилась мысль о замирающихъ силахъ природы, былъ обрядъ, совершавшійся въ лѣтнее время, соответствующее нынѣшнему первому воскресенью послѣ Петрова дня, — обрядъ, извѣстный въ народѣ подъ названіемъ похоронъ Костромы, Лады, Ярылы. По всему вѣроятію, эти обряды въ старину принадлежали къ купальскимъ играмъ. Похороны Костромы въ Пензенской и Сибирской губерніяхъ совершались такимъ образомъ: прежде всего дѣвѣцѣ избирала изъ среды себѣ одну, которая объявлялась представлять Кострому; затѣмъ подходила къ ней съ поклонами, клала ее на доску и съ пѣснями несла къ рѣкѣ. Тамъ начинала лезе купать, при чемъ старшая изъ участвовавшихъ въ обрядѣ сгибала изъ дубка лукошко и била въ него, какъ въ барабанъ; послѣ этого возвращалась въ деревню и заканчивали день въ хороводахъ и играхъ. Въ Муромскомъ уѣздѣ соблюдалась иная обрядовая обстановка. Кострому представляла кукла, которую дѣлали изъ соломы, наряжали въ женское платье и цвѣты, клали въ корыто и съ пѣснями относили на берегъ рѣки или озера; собравшаяся на берегу толпа раздѣлялась на двѣ половины: одна ващачала куклу, а другая нападала и старалась овладѣть ею. Борьба оканчивалась торжествомъ нападающихъ, которые схватывали куклу, срывали съ нея платье и перезязи, а солому топтали ногами и бросали въ воду, между тѣмъ какъ побѣжденные защитники предавались неутѣнному горю, закрывали лица свои руками и какъ бы оплакивали смерть Костромы. — Должно думать, что кукла эта приготовлялась не только изъ соломы, но также изъ сорныхъ травъ и прутьевъ и что именно поэтому она получила названіе Костромы. Въ областныхъ говорахъ слово Кострома означаетъ: пруть, розгу и рогущія во ржи сорныя травы. Въ Саратовской губерніи

Костромю называется куча соломы, сожигаемая под Новый годъ (Азовасеякъ. Поэтыч. поварѣнія славявъ на природу). О. Э. Миллеръ „въ Христоматіи къ опыту историческаго обварѣнія русской словесности“ говоритъ: (стран. 6) „Кострубелькой въ Малороссіи павывалася Веснякъ, божество весны (въ украинскомъ просторѣчіи Кострубъ звачить Нечесъ, Кудлай, что заставаляетъ предполагать, что Веснякъ явобразалася кудравымъ). Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Великороссіи имя это передѣлялось въ Кострому. Въ этомъ послѣднемъ божествѣ видятъ женскую форму Кострубовьки, похороны котораго въ нѣкоторыхъ мѣстахъ совпадали съ временемъ похоронъ Костромы. Хотя графъ Уваровъ и говоритъ, что названіе Костромы повторяется въ трехъ различныхъ формахъ во Владимірской губерніи: Костроминю — деревня въ Александровскомъ уѣздѣ недалеко отъ р. Дубны, Костромиха — Суздальскаго уѣзда по р. Мерли и Костроича — въ Гороховецкомъ уѣздѣ и имя этого дѣлаетъ выводъ, что только одинъ и тотъ же народъ (т. е. Мера) могъ, раскинувъ свои селенія на обширномъ пространствѣ, повторять тѣ же имена или давать названія одинаковаго этимологическаго происхожденія; но мы, въ видѣ возраженія послѣднему выводу, можемъ привести одно мѣсто имя дѣтониси по Ипатьевскому свиску, гдѣ упоминается подъ 1258 г. одно урочище теперь въ Волынской губерніи, сходное по корнесловію съ названіемъ Костромы, именно урочище Коструга: „о нѣмъ же (Литвъ) притекшымъ супротивъ Кострувъ, сравняшмаса не стерѣша, во на бѣгъ обратшмаса“. Область теперешней Волынской губерніи въ древности имѣла населеніе славянское. Названіе и обрядъ погребенія Кострубовьки или Костромы — божества весны — были распространены какъ на югѣ, такъ и на сѣверѣ Руси. Изъ этого слѣдуетъ замечать, что слово Кострома славянскаго происхожденія и не чуждо духу славянскаго языка, точно такъ же, какъ не чуждо ему слово костеръ *). Упоминаемыя графомъ Уваровымъ поселенія во Владимірской губ. съ измѣненнымъ названіемъ Костромы расположены, какъ мы видѣли, при рѣкахъ. Городъ Кострома расположенъ при двухъ рѣкахъ: Волгѣ и Костромѣ. Обрядъ же кушанія дѣвушки, явобразавшей Кострому, или потопленія чучела божества Костромы совершался въ рѣкахъ или озерахъ. На этомъ основаніи мы вправѣ заключить, что названіе города и поселеній, упомянутыхъ нами рапѣе, Костромою или именемъ одного съ него корня — славянское въ имени этого языческаго божества весны или Веспяка. Такъ какъ славянская колонизація финскихъ племенъ, по бассейну верхней Волги и ея притоковъ началась еще до образованія Русскаго государства, то мы можемъ быть увѣрены, что и обряды языческой религіи нашихъ предковъ могли въ глубокой древности совершаться въ приволжскомъ краѣ. Мы знаемъ, что въ Ростовѣ былъ идолъ бога Велеса или Волоса. Что въ Костромскомъ краѣ совершалась въ старину правдопанія и обряды въ честь языческихъ божествъ: Купалы, Ярилы, Костромы, яснымъ доказательствомъ этого служатъ сохранившіеся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ еще и доселѣ или сохранившіеся долгое время суэта послѣ принятія христіанства языческіе правдники и обряды. Нароль члгяль боговъ: Ярилу, Купалу, Лада, водяныхъ

*) Мы уже раньше говорили, что и въ Саратовской губ. Костромю называется куча соломы, сожигаемая на Новый годъ.

русалок. Въ честь каждаго изъ этихъ мнѣческихъ существъ учреждены были праздника, изъ которыхъ многіе недавно уничтожены. Въ Костромѣ только въ 1771 году уничтоженъ праздникъ въ честь Ярилы. Ярилу представляла избранный міромъ чело-вѣкъ, котораго, предъ заговѣнемъ Петрова поста, обвязывали разными цѣптами, лентами и колокольчиками и, надѣвъ на голову высокой колпакъ съ лентами, водили съ пласками по городу. Въ Костромѣ и до сихъ норъ въ всѣхвѣтское заговѣнье гулянье народное извѣстно подъ названіемъ яриловки. Въ настоящее время народное гулянье въ Костромѣ въ честь Ярилы не сопровождается уже какими-нибудь обрядами, сохранившимися отъ старины; игры больше повѣйнаго происхожденія. Пѣсенъ старинныхъ съ характеромъ мнѣческимъ также мы не слышали. Если можно, что, считать остаткомъ или слабымъ проблескомъ языческой и мнѣческой старины, то это обычай составлять круги, какъ бы символизируя тѣмъ форму солнца, и выходъ съ двухъ противоположныхъ сторонъ молодца и дѣвицы, при чемъ она или берутъ другъ друга за руки, или ударяютъ другъ друга по ладонямъ какъ бы въ знакъ обоюд-наго согласія. Вліаніемъ старины, вѣроятно, нужно объяснить и подборъ пѣсенъ, распѣваемыхъ народомъ во время гулянья; всѣ пѣсни имѣютъ содержаніемъ или вза-имную любовь между лицами двухъ половъ, или говорятъ объ измѣнѣ съ которой-нибудь стороны. Словомъ, общій мотивъ пѣсенъ — любовь. Къ нѣкоторымъ пѣснямъ еще присоединяется древній прирѣвъ „Лемо“ — названіе древняго и языческаго божества любви плодородія. Этими слабыми проблесками старины еще выдерживается и до сихъ норъ древній характеръ праздника въ честь Ярилы, какъ божества лѣтнаго жара и, въ мереносномъ смыслѣ, любви. Въ Галичскомъ уѣздѣ и теперь еще сохраняется обычай на одной горѣ Поклонной, гдѣ, по преданію стоить идолъ Ярилы, гулять въ то же всѣхвѣтское заговѣнье. Многія изъ женскаго пола, какъ мы слышали, являются на гулянье въ особые старинные костюмахъ. Гулянье въ честь Ярилы бываетъ въ Ки-нешѣ, въ роцѣ по р. Кинешемкѣ, близъ Нерехты и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Нерехтскаго уѣзда. Около Галича указываютъ мѣсто другаго идола Купалы (отъ корня куп, кип, отсюда кипѣть, олицетвореніе лѣтнаго жара) около озера, куда и въ настоящее время стекаются 24 июня городскіе жители гулять по берегу и кататься по озеру съ пѣснями; гулянье оканчивается обливаніемъ другъ друга водою и купаньемъ въ озерѣ*). Такъ какъ у нашихъ предковъ божества: Купало, Ярило, Кострома были если не тождественны, то сходны, олицетворяющія одѣ и тѣ же животельныя силы природы, то, кромѣ празднованія въ честь Купалы и Ярилы, въ старину, вѣроятно, совершался въ Костромскомъ краѣ и обрядъ похоронъ Костромы, описанный нами раньше. И вотъ отъ имени языческаго божества весны „Костромы“ получили названіе какъ городъ, жителями котораго этотъ обрядъ, вѣроятно, совершался, такъ и рѣка, впадающая близъ этого города въ Волгу. Волга уже имѣла общее въ старину на-званіе „ра“ — Принявъ въ соображеніе мѣсто лѣтотаса, гдѣ говорится, что Нов-городцы, Кривичи, Чудь, Мера, по изгнаніи варяговъ 854 г., начали ставить города и управляться сами, — но всталъ градъ на градъ, — мы приходимъ къ тому выводу, что

*) Кривошюцкій. Мат. для географіи и статист. Россіи, Костр. губ., стр. 512, 598.

городокъ, получившій название Костромы, который, вѣроятно, существовалъ на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ основанъ если и мерянами, то въ пору слиянія этого племени съ славянскимъ или въ пору распространенія между мерянами славянской колонизаціи, какъ того же мѣстна исследователи и о городищахъ Ярославской губерніи. Она относитъ ихъ основаніе къ переходной эпохѣ слиянія первоначальныхъ туземцевъ (мерянъ) съ славянами. Костромской же городокъ, отстоящій недалеко отъ селенія Ярославской губерніи, названнаго подъ именемъ Дѣва Городища, служить какъ бы продолженіемъ по Волгѣ цѣпи городковъ. Населеніе въ этихъ городкахъ могло быть уже смѣшанное изъ финновъ и славянъ. Основаніе древняго городка Костромы первоначально на правомъ берегу Волги могло быть вызвано условіями мѣстности, такъ какъ правый берегъ Волги болѣе гористъ, нежели лѣвый, и менѣе поэтому подверженъ затопленію водою во время весенняго разлива Волги, особенно если принять въ расчетъ то, что рѣки наши и въ частности Волга въ старину были полноводнѣе, чѣмъ нынѣ, но обилію лѣсовъ, къ нимъ прилегающихъ, да къ тому же лѣвый берегъ могъ быть затопляемъ и выходящей въ Волгу р. Костромой. Итакъ, о началѣ г. Костромы мы приходимъ къ такому выводу: первоначально былъ основанъ городокъ на мѣстѣ нынѣшняго Городища на правомъ берегу Волги въ пору начавшагося слиянія мерянъ съ славянами; онъ имѣлъ населеніе, уже смѣшанное изъ мерянъ и славянъ, и получилъ названіе отъ имени божества весны у языческихъ славянъ — Костромы. Время возникновенія этого городка приблизительно можно полагать въ началѣ второй половины IX вѣка. — Мы остановились на рѣшеніи вопроса о происхожденіи г. Костромы и о его названіи и не говоримъ о г. Галичѣ потому, что условія мѣстности Костромы намъ извѣстнѣе, чѣмъ Галича. Въ Галичѣ, какъ извѣстно намъ изъ описанія, есть мѣстность, самая возвышенная въ городѣ, именуемая Столбище, получившая названіе въ христіанскую пору по церкви Симеона Столпника, находившейся здѣсь, — мѣстность съ остатками валовъ и рововъ. Всѣ данныя говорятъ за то, что въ древности здѣсь былъ городокъ, подобный Костромскому, еще въ языческую пору нашей исторіи, такъ какъ доселѣ указываютъ на горахъ мѣста, гдѣ стояли идолы Эрилы и Купалы. Названіе городка Галичемъ могло быть усвоено ему позднѣе, можетъ быть Юріемъ Долгорукамъ, болѣе укряившимся его, который могъ перенести сюда и названіе съ Галича южнаго, если только Галичъ сѣверный не есть измѣненное древнее названіе Галичонъ. Сохранился отрывокъ Галицкой лѣтописи, правдивость сказаній которой хотя и подлежитъ сомнѣнію, тѣмъ не менѣе она упоминаетъ о Галичѣ, какъ городѣ, еще въ XII вѣкѣ.

Въ настоящее время г. Кострома — не на правомъ, а на лѣвомъ берегу Волги. Если мы пришли къ выводу, что первоначально Кострома находилась на правомъ берегу Волги, гдѣ нынѣ сельцо Городище, то естественно рождается вопросъ: когда и кѣмъ перенесена Кострома на лѣвый берегъ Волги и на какое именно мѣсто? На этотъ вопросъ такъ же, какъ и на первый, не находимъ отвѣта въ лѣтописяхъ. Если бы это перенесеніе сдѣлалъ Юрій Долгорукій, то лѣтописцы непременно упомянули бы объ этомъ, какъ упомянулъ онъ о перенесеніи Юріемъ Долгорукамъ на новое мѣсто Переяслава Захѣтскаго, или, по крайней мѣрѣ, въ настоящее время можно бы было отыскать гдѣ-нибудь въ Костромѣ

хотя слабые намеки на это, напр. въ названіяхъ старинныхъ церквей или придѣловъ при нихъ, при сооруженіи или устроеніи городовъ, устраиваемыхъ часто князьями въ честь своего ансела, какъ въ Юрьевцѣ Поволжскомъ, основанномъ Юріемъ Всеволодовичемъ, была сооружена имъ церковь св. Георгія, или во Владимірѣ губернскомъ доселѣ есть древняя Георгіевская церковь, сооруженная княземъ Юріемъ Долгорукимъ. Въ Юрьевѣ Польскомъ есть древній Георгіевскій соборъ. Въ Костромѣ не открыто покуда слѣдовъ отъ построекъ Юрія Долгорукаго и нѣтъ данныхъ приписывать этому князю перенесеніе или устроеніе г. Костромы на настоящемъ его мѣстѣ. Въ лѣтописяхъ, повторяемъ, Кострома упоминается въ первой четверти XIII вѣка при разсказѣ объ усобицѣ между сыновьями князя Всеволода, Константина и Юріемъ, изъ-за великокняжескаго владимірскаго стола, отданнаго отцомъ ихъ второму сыну Юрію за непослушаніе Константина, который не поѣхалъ во Владиміръ и требовалъ Владиміра въ придану къ Ростову, идѣ отъ князя. Когда съѣздъ на владимірскій столъ Юрій, Константинъ началъ замышлять рать противъ брата. Юрій съ другими братьями идетъ на Константина къ Ростову. Тогда Константинъ послалъ полкъ свой на Кострому. Кострома была выжжена, а жители ея были уведены въ плѣнъ въ Ростовъ. Вотъ первое упоминаніе въ лѣтописяхъ о Костромѣ, въ однихъ годъ 1213, въ другихъ годъ 1214 г. Въ нѣкоторыхъ очеркахъ исторіи Костромы говорится, что будто о Костромѣ и Галичѣ упоминаетъ Карамзинъ во время княженія великаго князя владимірскаго Всеволода Георгіевича (сына Юрія Долгорукаго и брата Андрея Боголюбскаго) между 1176—1212 гг. Карамзинъ нигдѣ не упоминаетъ ясно объ этихъ городахъ. Не извѣстно опредѣленно о какихъ городахъ говорить онъ, слѣдую неопредѣленному лѣтописному сказанію о томъ, что Всеволодъ, прызвавъ къ себѣ старшаго сына Константина изъ Новгорода, далъ ему въ удѣлъ Ростовъ съ пятью городами. Нѣкоторые очерки исторіи Костромы въ часо этихъ пяти городовъ непремѣнно хотятъ помѣстять Кострому и Галичъ, но на какомъ основаніи, не извѣстно. Мы не допускаемъ въ числѣ этихъ пяти городовъ, приданныхъ Константину къ Ростову, Костромы и Галича. Князь Всеволодъ выдѣлялъ Константину изъ Ростовско-Суздальской земли значительную часть, почти половину, лежащую на сѣверо-западѣ. Юго-восточная половина составила собственно Владиміро-Суздальскую область. Пять городовъ, приданныхъ Константину къ Ростову, были, вѣроятно тѣ, которые находились въ сѣверо-западной части Ростовско-Суздальской земли, а именно: Ярославль, Бѣлозерскъ, Угличе поле, Ксвятинъ (Константинъ) и два городокъ на Мологѣ или еще какой-нибудь изъ приволжскихъ городковъ, о существованіи которыхъ мы знаемъ изъ сказанія Тверской лѣтописи годъ 1149 г.: „пойде князь Изяславъ на своего дядя Юрія Володимерича Долгорукаго къ Суздаю и Ростову за Новгородскую обиду и съ нимъ братъ его Ростиславъ съ Смоленя и Новгородцы и Псковичи и Корѣяне, и совокупашася на Волгѣ на устьѣ Медвѣдицы, и пѣидоша къ Святину (т.-е. Ксватиу Константину) и въ Угличю полю и къ Мологѣ и много воеваша людей Юрьевыхъ, даже и до Ярославля по Волгѣ и вшаа шесть городовъ и воюючи и жгучи“. Итакъ отъ Ксватины до Ярославля включительно по Волгѣ вато было шесть городовъ. Изъ этихъ шести четыре и съ присоединеніемъ къ нимъ Бѣлозерска — пять городовъ и были приданы Константину къ Ростову. Кострома и Галичъ оставались во владѣніи князя Влади-

мирскаго и Кострома, вѣроятно, находилась близъ границы областей Ростовской и Владиміро-Суздальской. Это очевидно и изъ сказаній лѣтописныхъ о посылкѣ княземъ Константиномъ на Кострому полка своего, который сжегъ ее. Если бы Кострома входила въ область Ростовскую Константина, то какаѣ была бы цѣль жечь ему своей городъ? Очевидно въ этомъ фактѣ выражалась его месть и злоба по отношенію къ брату Юрію. Въ лѣтописцѣ Переяславскомъ сказано такъ объ этомъ походѣ: „отъ я (Константинъ) у Гюрга соизъ Великую, а Кострому пожже, у Ярославѣ отъя Нерехту“. Очевидно, что здѣсь разграничиваются владѣнія Юрія и брата его Ярослава и притомъ лѣтописецъ точно указываетъ, что у Юрія было взято только и что сожжено. Кстати замѣтимъ здѣсь, что въ этомъ сказаніи лѣтописи въ первый разъ упоминается о Нерехтѣ. (Названіе города, очевидно, измѣненное Мерехта, т.-е. мерянской горды). Изъ приведенныхъ доводовъ съ очевидностію заключаемъ, что Кострома и Галичъ входяи въ составъ Владиміро-Суздальской области, а не Ростовской, какъ то неправильно говорится въ очеркахъ исторіи Костромы, и что Карамзинъ не могъ разуть въ числѣ пяти городоѡ, приданныхъ отцомъ, князю Константину, къ Ростову, Костромы и Галича. Рѣшивъ этотъ вопросъ, мы не рѣшили еще перваго вопроса о времени сооруженія Костромы на лѣвомъ берегу Волги и о томъ, кто изъ князей перенесъ ее съ праваго берега на лѣвый. Изъ лѣтописныхъ данныхъ мы можемъ заключить, что Кострома не была значительнымъ городомъ въ VIII вѣкѣ, по крайней мѣрѣ, такимъ значительнымъ, какъ другіе новые города, сооруженные Юріемъ Долгорукимъ. При разсказѣ о нашествіи татаръ на Суздальскую область, бравшихъ и опустошавшихъ города, лѣтописцы не именуютъ Костромы отдѣльно подобно тому, какъ поименовываютъ: Переяславъ, Юрьевъ, Дмитровъ, Москву. Не переименовываѣ всѣхъ незначительныхъ городковъ по Волгѣ, лѣтописцы вообще говорятъ о нихъ: „и по Волгѣ всѣ грады похѣнниши (татары) и до Галича Мерскаго“, въ нѣкоторыхъ лѣтописяхъ: „и до Галича вододмерскаго“. Последнимъ выраженіемъ, замѣтимъ кстати, лѣтописецъ точно опредѣляетъ отношеніе Галича къ Владиміру. Галичъ наименованъ здѣсь лѣтописцами потому, что онъ былъ конечнымъ пунктомъ или крайнемъ городомъ района, опустошеннаго татарами. Если во время нашествія татаръ Кострома была незначительнымъ городкомъ по Волгѣ, то сѣдовѣтельно она была изъ числа старыхъ городковъ въ Суздальской землѣ и оставалась еще на правомъ берегу Волги. По нашему мнѣнію и княземъ Константиномъ ростовскимъ была сожжена и татарами взята еще старая Кострома, находившаяся на мѣстѣ нынѣшняго селца Городища. Нынѣшная Кострома на лѣвомъ берегу Волги устроена, по нашему мнѣнію, послѣ разгрома Батмѣ, когда старая Кострома была или сожжена, или разрушена и опустошена татарами. Мнѣніе это наше не произвольное, но подкрѣпляется очевидными данными. Послѣ разгрома Батмѣ кто обновлялъ и успокоилъ землю Суздальскую? Кто возобновлялъ прежніе города и устраивалъ ихъ на новыхъ мѣстахъ? Кто изъ владимірскихъ князей былъ русскимъ Камилломъ? Великій князь владимірскій Ярославъ Всеволодовичъ, сѣвшій на великое княженіе послѣ погашаго на рѣкѣ Сити брата своего Юрія Всеволодовича. О постройкѣ Ярославомъ Всеволодовичемъ городоѡ не только на прежнихъ, но и на новыхъ мѣстахъ послѣ разгрома Батмѣ мы имѣемъ ясное свидѣтельство лѣтописи Воскресенской (стр. 245):

„Ярослав Всеволодовичъ по батыевѣ плѣненіи прїѣде съ дѣтми своими (на владимирское княженіе) и нача грады, разоренныя отъ Батгя, ставити по своимъ мѣстамъ и на Волгѣ постави градъ и возненаво его Тверью до Твердѣ рѣкѣ, а напередѣ сего въ томъ мѣстѣ градъ не былъ, и посади на Твери сына своего меньшаго Ярослава; и оттогда наста великое княженіе Тверское“. Это сказаніе лѣтописецъ приводитъ предъ исчисленіемъ ряда тверскихъ князей и ему нужно было сказать и о началѣ тверскаго княжества. Древняя Тверь, какъ извѣстно, была на лѣвомъ берегу Волги при впаденіи въ нее рѣки Тверцы. О Костромѣ такого прямого сказанія нѣтъ въ лѣтописяхъ; но фактъ перенесенія Ярославомъ Всеволодовичемъ Твери на новое мѣсто послѣ погрома татарскаго — аналогичный; то же самое могъ сдѣлать Ярославъ Всеволодовичъ и съ Костромю. Намъ сейчасъ же скажутъ, что аналогія — не убѣдительное доказательство. Это совершенно справедливо. Кромѣ аналогіи, мы въ доказательство нашего мнѣнія о томъ, что Ярославъ Всеволодовичъ перенесъ Кострому на лѣвый берегъ Волги, приведемъ еще одно данное очевидное. Отъ того и затрудненіе въ рѣшеніи нашего вопроса, что на него нѣтъ прямого отвѣта въ лѣтописяхъ. Приходится разыскивать разныя основанія, прибѣгая и къ домысламъ, основываемымъ, впрочемъ, на фактическихъ данныхъ. Фактическое данное въ этомъ случаѣ то, что древнѣйшая соборная церковь въ Костромѣ, упоминаемая въ лѣтописяхъ, была церковь св. Θεодора или въ честь Θεодора Стратилата. Замѣтимъ здѣсь, что намъ пришлось отъ одного спеціалиста, современнаго историка, слышать весьма вѣское возраженіе: была ли эта церковь соборною, такъ какъ соборная церковь въ древней Руси, за исключеніемъ цер. св. Софіи въ Кіевѣ и въ Новгородѣ, были въ честь Господнихъ или Богородичныхъ праздниковъ? — Что древнѣйшая церковь въ Костромѣ св. Θεодора была соборною, очевидное доказательство этого имѣемъ въ надписи на колоколѣ вымѣщенной церкви Богоотцовской или собственно Θεодоровской же въ честь иконы Θεодоровской Божіей Матери, сооруженной на мѣстѣ древней соборной церкви Θεодора Стратилата. Надпись эта гласитъ: „вылитъ сей колоколъ въ бывой Θεодоровской соборъ, а нпнѣ къ ружной церкви во имя Пресвятой Богородицы 1794 г. апрѣля 3 дня“. Преданіе о томъ, что соборная церковь св. Θεодора въ Костромѣ въ древности находилась на этомъ мѣстѣ, существуетъ и доселѣ, — такъ что этотъ фактъ несомнѣнный. — Мы еще раньше высказаннаго намъ возраженія вдалились вопросомъ: почему древняя соборная церковь въ Костромѣ была во имя Θεодора Стратилата? — Въ исторіи мы имѣемъ нѣсколько примѣровъ тому, что князья русскіе и позднѣе цари, при основаніи или устроеніи новыхъ городовъ, первыя церкви строили въ честь своего ангела. Изъ древней исторіи имѣемъ такіе тому примѣры: Юрій Долгорукой въ новомъ тогда имя городѣ Владимірѣ на Клязьмѣ соорудилъ церковь во имя св. Георгія, которая существуетъ и доселѣ. Въ Юрьевѣ Польскомъ есть древній Георгіевскій соборъ. Великій князь Юрій Всеволодовичъ, построившій Юрьевецъ Псковскій, соорудилъ на горѣ церковь во имя св. Георгія Побѣдоносца. Михаилъ Александровичъ Тверскій строилъ церкви въ честь Архангела Михаила. Въ новой русской исторіи имѣемъ крупный примѣръ: Петръ Великій въ крѣпости, заложеной имъ на островѣ Люсть-Эйландѣ, или въ новомъ городѣ Петербургѣ, соорудилъ церковь во имя святыхъ апостоловъ Петра и Павла. — Изъ лѣтописи мы знаемъ, что великій князь

Ярославъ Всеволодовичъ при крещеніи названъ христіанскимъ именемъ Θεодора и, конечно, въ честь Θεодора Стратилата, такъ какъ онъ родился въ донъ памяти этого святого, именно 8-го февраля. Вотъ основаніе нашего мнѣнія, что древняя соборная церковь Θεодора Стратилата въ г. Костромѣ была сооружена великимъ княземъ Ярославомъ Всеволодовичемъ въ честь своего ангела. Какъ древнѣйшая и первая, можетъ быть, въ началѣ единственная церковь въ Костромѣ, такъ какъ въ лѣтонисахъ упоминается только объ ней одной, она могла быть сооружена при самомъ началѣ города. Слѣдовательно и самый городъ на этомъ мѣстѣ, т. е. на лѣвомъ берегу Волги и именно при устьѣ р. Костромы могъ быть устроенъ тѣмъ же великимъ княземъ владимірскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ нашествія Батяи. Что первоначально городъ Кострома на лѣвомъ берегу Волги былъ устроенъ при устьѣ р. Костромы, на это наводятъ насъ во-1-хъ то, что мѣстность эта нѣсколько возвышеннѣе окрестностей, во-2-хъ, по преданію, здѣсь были, кромѣ Θεодоровской, и другія церкви. Тѣ данныя, какія намъ покуда удалось найти и сопоставить между собою, наводятъ на весьма вѣроятное предположеніе о томъ, что какъ Тверь, такъ и Кострома устроены на новыхъ мѣстахъ великимъ княземъ Владимірскимъ Ярославомъ Всеволодовичемъ послѣ нашествія Батяи на суздальскую землю и послѣ разоренія татарами старыхъ городовъ Твери и Костромы на противоположныхъ берегахъ Волги. Уступивъ эти города и возобновивъ, можетъ быть, и Галичь, Ярославъ Всеволодовичъ раздалъ ихъ удѣлами своимъ сыновьямъ: Ярославу Ярославичу далъ Тверь, четвертому сыну Константину — Галичь и наконецъ самому меньшему, девятому и послѣднему изъ сыновей, Василию, по прованію Мизинному, далъ въ удѣлъ Кострому въ половинѣ XIII вѣка. Такимъ образомъ въ первой половинѣ XIII вѣка образовались княжества: Тверское, Галицкое и Костромское. Въ лѣтонисахъ, по крайней мѣрѣ, въ первый разъ въ это время являются названія князей: Ярославъ Тверскій, Константинъ Галицкий и Василій Костромскій.

Нашъ взглядъ на начальную исторію о Костромѣ мы можемъ реанимировать въ слѣдующихъ чертахъ: въ началѣ второй половины IX вѣка, въ пору начавшагося сліянія финскихъ племенъ съ славянами, на правомъ берегу Волги, на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища, былъ устроенъ городокъ, который имѣлъ уже смѣшанное населеніе*) изъ мерянъ и славянъ, получившій названіе отъ имени языческаго божества у нашихъ предковъ, Костромы, олицетворявшаго, какъ Купало и Ярило, живительныя силы природы. Можетъ быть, онъ былъ богѣе укрѣпленъ Юріемъ Долгорукимъ, но не устроенъ имъ вновь. Потомъ онъ подвергся двумъ бѣдствіямъ: въ первый разъ былъ сожженъ полкомъ князя Ростовскаго Константина, какъ городъ, принадлежавшій къ волости его брата Юрія и находившійся, по всему вѣроятію, близъ границы ихъ волостей; во второй разъ онъ былъ опустошенъ татарами. Въ разрушенномъ видѣ его и нашелъ Ярославъ Всеволодовичъ, обновитель суздальской земли послѣ разгрома Батяи. Ярославъ Всеволодовичъ, желая возобновить и устроить Кострому, перенесъ ее, по нашему заключенію,

*) О вѣрности къ элементу финскому славянской расы еще до начала русскаго государства мнѣніе высказывалось великимъ ученымъ; такъ онъ предполагаетъ, что и доселѣ въ вѣржкахъ отъ финскихъ племенъ были собственно не финны, а населеніе средѣ ихъ славянскія колонисты.

на новое мѣсто, болѣе удобное для сношеній при слияніи р. Костромы съ Волгой, точно такъ же, какъ перенесъ онъ в Тьерь, построилъ въ Костромѣ первую соборную церковь во имя св. великомученика Теодора Стратилата, имя котораго онъ получалъ при крещеніи, и вѣдѣмъ послѣднему, девятому изъ своихъ сыновей, Василию отдалъ Кострому удѣломъ, в сѣ этого времени, съ половины XIII в., получило начало Костромское княжество, въсколькими годами послѣ Галицкаго, отдалаго Ярославомъ четвертому сыну Константину. Къ этому присоединимъ еще, что прежнее мѣсто Костромы не пришло въ совершенное запустѣніе, но здѣсь, вѣроятно, снова было устроено селеніе въ видѣ городка, существовавшаго и въ началѣ XIV вѣка, на что ясно указываютъ случайно найденныя здѣсь при раскопкѣ поли монеты, относящіяся, по сохранившимся остаткамъ надписей на нихъ, къ XIV в. Высказанный взглядъ на начальную исторію Костромы нашъ личный, какой мы могли установить по даннымъ, имѣвшимся въ нашемъ распоряженіи. Можетъ быть со временемъ найдутся новыя данныя, которыя заставятъ измѣнить этотъ взглядъ. Но это дѣло будущаго. Покуда новыхъ данныхъ нѣтъ.

Со времени образованія Галицкаго и Костромскаго княжествъ идетъ уже многолѣтняя и опредѣленная исторія этихъ княжествъ в городехъ по лѣтописямъ, археографическимъ актамъ и преданіямъ. Съ половины XIII в. города Кострома и Галичъ входятъ въ кругъ русской исторіи и имѣютъ въ ней немаловажное значеніе. Галичъ, впрочемъ, получаетъ въ исторіи болѣе важное значеніе, чѣмъ Кострома, и дальше Костромы пользуется самостоятельностью какъ отдѣльное княжество. Въ XIII в. Кострома получаетъ мѣсто въ исторіи во время княжества Василія Костромскаго.

Санціей для новаго города и новаго княжества Костромскаго послужило явленіе св. иконы Теодоровской Божіей Матери въ началѣ княженія князя Василія Ярославича Костромскаго. Явленіе св. иконы, по преданію, было самому князю, когда онъ находился на охотѣ въ разстояніи одной версты отъ города. Св. икона, составляющая священную древность Костромы, была торжественно внесена въ городъ и поставлена первоначально въ соборной церкви св. Теодора. Вскорѣ начался чудотвореніе отъ св. иконы, изъ коихъ одно имѣло и историческое значеніе, когда князь Василій съ зной иконою побѣдилъ татаръ или, вѣроятнѣе, бесерменъ, приходившихъ за данью. Побѣда эта была одержана княземъ Василіемъ при озерѣ, получившемъ отъ того названіе Святаго. Вскорѣ князь Василій повелѣлъ соорудить новую соборную церковь въ Костромѣ Успенія Пресвятой Богородицы, такъ какъ древняя соборная церковь св. Теодора предъ тѣмъ сгорѣла, икопа, какъ повѣствуетъ сказаніе, «невредимою пребысть отъ огня». Спустя нѣскольکو лѣтъ, именно въ 1272 г., по смерти великаго князя Ярослава Ярославича Тверскаго, по праву старшинства, Василій князь Костромскій вступаетъ на великокняжескій Владимірскій столъ. Какъ видно, этотъ князь возлюбилъ Кострому и, сдѣлавшись великимъ княземъ, не побѣжалъ въ столичный городъ Владиміръ, а остался жить въ Костромѣ. Такимъ образомъ Кострома въ теченіе великаго княженія Василія Костромскаго, съ 1272 по 1276 г. включительно, практически была столицей великаго княжества Владимірскаго. Василія завѣлъ столъ в Новгородскій, уступленный ему послѣ распри племянникомъ его, Дмитріемъ Александровичемъ. Время великаго княженія Василія Костромскаго, какъ извѣстно, отдѣляется въ исторіи соборомъ епископовъ, со-

званнымъ въ г. Владиміръ, съ цѣлю обсудить разные церковные недостатки, для выработки правилъ церковныхъ, изысканія мѣръ къ исправленію и возвышенію нравственности духовенства и къ уничтоженію въ народѣ языческихъ обрядовъ и вѣрованій. Василій Костромскій скончался въ началѣ 1277 г. на 37 году жизни. Онъ торжественно былъ погребенъ въ церкви св. Феодора, въ которой и была вѣнчанъ. Послѣ пожара церковь св. Феодора, очевидно, была возобновлена. Впрочемъ нужно сказать, что мѣсто погребенія князя Василія доселѣ остается неизвѣстнымъ, то-есть неизвѣстно, въ какой именно церкви св. Феодора онъ погребенъ, такъ какъ, кромѣ древней церкви св. Феодора, была устроена княземъ Василиемъ придѣльная церковь но имя св. Феодора Стратилата въ новой соборной церкви Успенія. Вѣрнѣе, все-таки, кажется, полагать, что онъ погребенъ въ древней возобновленной послѣ пожара соборной церкви св. Феодора. Послѣ Василія Костромскаго Кострома непродолжительное время была самостоятельнымъ княжествомъ; поэтому было немного и Костромскихъ князей. Гораздо важнѣе въ этомъ отношеніи былъ Галичъ. Князь Василій Костромскій, по всему вѣроятію, не имѣлъ сыновей и потому послѣ его смерти Кострома переходить въ непосредственное владѣніе великаго князя Владимірскаго. Въ Галичѣ же князятво преемственно сыновья князя Константина Галицкаго, Давидъ и Василій. Во время усобицы сыновей Александра Невскаго, Дмитрія и Андрея, Кострому получаетъ въ удѣлъ сынъ Дмитрія, Іоаннъ Дмитріевичъ, который вскорѣ послѣ смерти отца своего цолучилъ въ удѣлъ свой родовой Черкасскъ, а въ Костромѣ, спустя нѣсколько лѣтъ, именно въ 1299 г. или въ 1300 сѣлъ сынъ Андрея Александровича Борисъ, князавшій въ Костромѣ до 1303 г. Только трое было самостоятельныхъ князей въ Костромѣ. Можно еще присоединять четвертаго, неудачно вонкнязавшагося здѣсь князя Бориса Дашюевича, котораго прислалъ въ Кострому братъ его, князь Юрій Давыловичъ, начавшій знаменитую борьбу изъ-за великаго княженія съ княземъ Тверскимъ Михаиломъ Ярославичемъ. Такъ какъ Кострома была на сторонѣ Михаила Тверскаго, то Костромичи схватили князя Бориса и отправили его въ Тверь и при этомъ казнили нѣкоторыхъ бояръ, передавшихъ Юрію. Юрій примирился было съ Михаиломъ у Костромы, но потомъ снова началъ борьбу, кончавшуюся, какъ извѣстно, трагически мученическою смертію князя Михаила въ Ордѣ по наущенію князя Юрія Московскаго. Послѣдній получаетъ ярлыкъ отъ хана на великое княженіе — и Кострома волей-неволей подчиняется ему. По смерти Юрія Московскаго великимъ княженіемъ завладѣваетъ братъ его Іоаннъ Дашюевичъ Калита; также послѣ борьбы съ Тверскимъ княземъ Москва становится стольнымъ городомъ и Кострома переходитъ во владѣніе Іоанна Калиты, великаго князя Московскаго, какъ городъ великокняжескій. Съ этого времени въ исторіи Костромы наступаетъ періодъ Московскій послѣ Владимірскаго. Въ началѣ княженія Іоанна Калиты, именно въ 1333 г. близъ Костромы, татарскимъ мурвой Четую, въ христіанствѣ получившемъ имя Захарія, предкомъ Годуновыхъ, на мысу, близъ впаденія р. Костромы въ Волгу, былъ построенъ Іпатіевскій монастырь въ намѣтъ явленія здѣсь Чету во свѣ Божіей Матери съ священномученикомъ Епископомъ Галгрскимъ Іпатіемъ и съ святымъ апостоломъ Флапшомъ. Іоаннъ Калита купилъ у одного изъ потомковъ Константина Галицкаго г. Галичъ, какъ видно это изъ завѣщанія Дмитрія Донскаго, но по смерти Калиты князья, по-

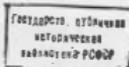
томка Константина, снова возвратил Галич, и онъ такимъ образомъ снова становится самостоятельнымъ княжествомъ, но ненадолго. Дмитрій Донской, являвъ князя Дмитрія изъ Галича, завладѣлъ послѣднимъ. Кострома въ это время терпѣла отъ нападевіи ушкуйцевъ погородскихъ, которые разграбили ее. За эти своевольства князь Дмитрій Ивановичъ предпринималъ походы на Новгородъ и взялъ съ Новгородцевъ большую цену. Въ княженіе Дмитрія Донскаго Костромичи участвуютъ подъ предводительствомъ воеводы Ивана Родіоновича Квашни въ Куляковской битвѣ, въ которой погибло, по сказаніямъ, до 20 костромскихъ бояръ. Во время шаштатівъ Тохтамыша и Эдгега на Москву, Кострома, какъ городъ великокняжескій и безопасный по своему положенію, укрываетъ внутри себя великаго князя Дмитрія Донскаго и его преемника, сына Василія Дмитріевича, соорудившаго въ 1410 г. городъ Изесь, какъ омолотъ противъ набѣговъ татаръ. Въ 1413 г. Кострома была опустошена пожаромъ, истребившимъ до 30 церквей. Отсюда мы заключаемъ, что въ XV вѣкѣ Кострома была уже большимъ городомъ. Вскорѣ постигли Кострому и другія бѣдствія: моровое повѣтріе и голодъ. Дмитрій Донской далъ своему сыну Юрію удѣлы: Звенигородъ и Галичъ. Юрій Дмитріевичъ поднимаетъ знаменитую послѣднюю усобицу въ Рюриковомъ домѣ изъ-за нарушенія правъ старшинства на великокняжескій столъ, когда братъ его Василій Дмитріевичъ благословилъ на великое княженіе своего старшаго сына Василія Васильевича, прозваннаго впоследствии Темнымъ. Во время этой усобицы, продолженной и сичовьями Юрія, Василіемъ Косымъ и Даматріемъ Шемякой, князьями Галицкими, Галичъ вмѣстѣ съ Костромою занимаетъ въ русской исторіи видное мѣсто. Походы кияевей совершались чрезъ Кострому. Во время одного похода князь Московскій Василій былъ взятъ въ плѣнъ княземъ Юріемъ я, въ видѣ особой милости, отпущенъ изъ плѣна и получилъ въ удѣлъ Коломну. Великимъ княземъ сѣвъ князь Галицкій Юрій Дмитріевичъ, но ненадолго. Его положеніе въ Москвѣ было непрочно, когда служилые люди оставили его и перешли на сторону Василія Васильевича. Князь Юрій отступился отъ великаго княженія въ пользу племянника и самъ ушелъ опять въ свой Галичъ. Борьба между дядею и племянникомъ вскорѣ снова возгорѣлась вслѣдствіе имѣнныи князя Галицкаго. Великій князь Василій пошелъ ратью къ Галичу, взялъ и сжегъ его. Князь Юрій отомстилъ великому князю, разбилъ его вскорѣ въ Ростовской области, потомъ ввѣлъ Москву и снова сѣлъ на великое княженіе. Великій князь Василій, бѣжавшій было въ Новгородъ, возвратился оттуда — и борьба опять возобновилась. Вскорѣ умеръ князь Юрій Дмитріевичъ. Послѣ него борьбу продолжали съ великимъ княземъ Василіемъ сыновья Юрія. На великомъ княженіи Московскомъ сѣлъ сынъ Юрія, Василій Косой, но вскорѣ и онъ долженъ былъ оставить Москву, которую опять завладевалъ Василій Васильевичъ. Василій Косой прибылъ въ Кострому я, собравъ здѣсь рать, двинулся на великаго князя къ Москвѣ, но былъ разбитъ послѣднимъ. Немного спустя Косой опять пошелъ ратью къ Костромѣ. Великій князь принужденъ былъ идти противъ него. Обѣ рати расположились на противоположныхъ берегахъ р. Костромы при устьи ея. Впрочемъ бов не постѣдоваго — и совершились заключили миръ, по которому Василій Васильевичъ удержалъ за собой великое княженіе. Косой завладевалъ влобу на великаго князя и опять начинаетъ борьбу съ нимъ. Наконецъ Косой

былъ взятъ въ плѣнъ великимъ княземъ, отправленъ въ Москву и ослѣпленъ. Послѣ Косого въ Галичъ сѣлъ братъ его Дмитрій Красный, вскорѣ скончавшійся здѣсь. Послѣ него Галичъ переходитъ во владѣнiе его брата Дмитрія Шемяки, князя Угличаго и управляется его наместниками. Шемяка замыслилъ оладѣть великимъ княженіемъ и схватить великаго князя Василия. Замыселъ вполне удася. Клеветы Шемяки нашли удобный случай схватить великаго князя въ Троицкомъ монастырѣ, и великій князь былъ ослѣпленъ и сосланъ въ Угличъ. Великимъ княземъ московскимъ сѣлъ Дмитрій Шемяка. По ходатайству митрополита Юпы, князь Василій Васильевичъ Темный былъ освобожденъ Шемякою изъ Углича и получалъ въ удѣлъ Вологду. Въ Москвѣ, между тѣмъ, была сильная партія, державшая сторону князя Василия; Шемяка же былъ ненавидимъ народомъ, особенно за несправедливость. Князь Василій, при помощи своихъ приверженцевъ, завладѣваетъ скоро Москвою, а Шемяка бѣжитъ сначала въ Галичъ. Когда онъ уселся склонить Шемяку къ примиренію оказались тщетны, великій князь Василій пошелъ на него ратью къ Галичу, но дошелъ только до Костромы, гдѣ Шемяка заключилъ миръ съ великимъ княземъ. Впрочемъ миръ былъ непродолжителенъ. Шемяка съ большою ратью подступилъ къ Костромѣ, какъ городу великокняжескому, долго била подъ Костромою съ войсками великаго князя или великокняжескою заставою, но взятъ городъ не могъ. Тогда великій князь снова выступилъ въ походъ противъ Шемяки. Въ 1450 году, января 27, произошло подъ Галичемъ знаменитая битва великаго князя Василия Темнаго съ Дмитріемъ Шемякою. Шемяка былъ разбитъ наголову и бѣжалъ въ Новгородъ, гдѣ вскорѣ и погибъ отъ оравы. Мы кратко изложили ходъ этой знаменитой усобицы изъ-за великаго княженія, указавъ тѣ моменты ея, въ которые занимаютъ видное мѣсто въ исторіи города Кострома и Галичъ. — Въ XV вѣкѣ Галичъ и Кострома много терпѣли бѣдствій отъ набѣговъ казанскихъ татаръ, противъ которыхъ великій князь Иоаннъ III предпринималъ походы, для отпущенія ихъ за набѣги. Во второй половинѣ XV вѣка и первой XVI-го Кострома и Галичъ не имѣютъ важнаго значенія въ русской исторіи. Набѣги казанскихъ татаръ на костромскіе и галичскіе предѣлы продолжались и вымывали со стороны правительства необходимость строить новые города или укрѣпленія противъ нихъ, какъ, напримѣръ, Буй и Кадий (нынѣ Костромской губерніи). Костромичи предпринимали походы противъ Казанцевъ и нерѣдко разбивали ихъ. Особенно прославилъ свое имя историкъ побѣдой надъ Казанцами при р. Язовкѣ костромской воевода Яковлевъ. Въ царствованіе Иоанна Грознаго Галичъ въ числѣ нѣкоторыхъ другихъ городовъ какъ напримѣръ, Чухломы, Унжи и Юрьевца, былъ назначенъ для содержанія опричниковъ. Въ послѣдующія царствованія за царствованіемъ Иоанна Грознаго Кострома и Галичъ рѣдко упоминаются въ исторіи. Въ царствованіе Бориса Годунова отиѣтимъ фактъ преслѣдованія имъ бояръ Романовыхъ, которыхъ Годуновъ считалъ для себя опасными соперниками. По ложнымъ обвиненіямъ въ злоумышленіи противъ царя, Романовы были сосланы въ отдаленныя мѣста, но вскорѣ сестру Федора Никитича, дѣтей его и сноху Борисъ велѣлъ перевести въ Юрьевецкій уѣздъ (нынѣ Костромской губерніи) въ ихъ вотчину село Клязь. Здѣсь отрокъ Михаилъ, будущій вѣлпепосецъ Россіи, лишенный отца и матери, на пощевеніи родственниковъ дождалъ до смерти Борисовой. Въ концѣ

царствования Бориса, как венец бѣдствій, постигших тогда Россію, является первый самозванецъ. Кто былъ онъ? Откуда происходилъ и чья была креатура? Эти вопросы доселѣ еще не рѣшены окончательно. Слѣдя полагаясь на сказанія русскихъ летописей и свидѣтельству актовъ, нужно допустить, что первый же-Димитрій былъ бѣглый монахъ Григорій, уроженецъ гор. Галича, происходившій изъ мелкихъ служилыхъ дворянъ, жившихъ въ предѣлахъ Галича, именно изъ рода дворянъ Опрельваховъ. Вопросъ о происхожденіи перваго самозванца требуетъ спеціальнаго изслѣдованія. Мы упоминаемъ о немъ здѣсь потому, что, по свидѣтельству русскихъ источниковъ, 1-й самозванецъ имѣлъ самое близкое отношеніе къ г. Галичу, какъ его уроженецъ. Въ пригородѣ Галичѣ 1-мъ самозванцемъ была послана трое князей Шуйскихъ: Василій, Димитрій и Иванъ. Наступило царствование Василія Шуйскаго. Приближенные къ 1-му самозванцу были посланы: Вашиневскій въ Кострому, вѣдомыя въ Галичѣ. Вскорѣ явился второй самозванецъ, старшійся насильемъ и лестно привлечь къ себѣ города. Городъ за городомъ сдался ему. Въ числѣ ихъ были Кострома и Галичъ. Кнѣзьша была подчинена силою^{*)}. Въ Юрьевцѣ поволжскомъ собрались дружины, вѣрныя Василію Шуйскому, и съ сотникомъ Федоромъ Краснымъ и изъ Рѣшмы съ крестьяниномъ Григоріемъ Лашею пошли къ г. Луху. Поблизъ адѣсь литовскихъ людей, они пошли къ Шуѣ. Царь Василій Шуйскій разсматриваетъ по городамъ грамоты, увѣщевая гражданъ отступить отъ самозванца и опять быть вѣрными ему. Привыздара откликнулись города — и изъ нихъ Кострома и Галичъ. Тогда изъ стана самозванца выступили отряды поляковъ для усмиренія оставшихъ городовъ. Изъ предводителей отрядовъ особенно извѣстенъ Лисовскій, опустошившій Кострому въ 1608 г.; Галичъ въ 1609 г. также былъ взятъ тушинцами. Нѣсколько разъ Костромскія и Галичскія мѣста подвергались въ это время опустошенію отъ поляковъ и литовцевъ; — сраженія происходили и на улицахъ Костромы, когда шли для освобожденія Костромы, и другихъ городовъ отъ поляковъ вѣрныя дружины сѣверныхъ городовъ. Поляки, потерпѣвъ пораженіе въ Костромѣ, заперлись въ Ипатьевскомъ монастырѣ и вотъ началась осада Ипатьевского монастыря воеводой царскаго Давидомъ Жеребцовымъ. Тщетно Лисовскій, прибывъ изъ подъ Юрьевца нагорной стороной, пытался подать помощь полякамъ и русскимъ матежникамъ, осаждаемымъ въ Ипатьевской обители. Потерпѣвъ пораженіе отъ стрѣльбы съ Костромскаго кремля Лисовскій съ дробью устремился отъ Костромы къ Троице-Сергіевой лаврѣ. Тогда предводитель поляковъ, Вельяминовъ, сдалъ Ипатьевскій монастырь воеводѣ Жеребцову. По сверженіи Василія Шуйскаго бѣдствія смутнаго времени еще болѣе усилились. Москва и Россія были наводнены поляками. Тогда города начали пересылаться грамотами, призывая другъ друга идти противъ враговъ. Въ Костромѣ съ воеводой Волконскимъ и въ Галичѣ собрались ополченія для очищенія Москвы отъ поляковъ. Но между воеводами-ополченіи разныхъ городовъ не было-единодушія и разгъ долгое время бѣдѣствовали подл Москвой. Накопелъ, по призыву Троице-Сергіевой лавры, въ Нижнемъ-Новгородѣ составилась ополченіе подл предводительствомъ князя Пожарскаго и

*) О Кнѣзьшѣ упоминается въ летописяхъ въ 1-й разгъ въ XV вѣкѣ.

гражданина Козьмы Милона, которое и двинулось къ Москвѣ по Волгѣ. Кострома имѣла счастье встрѣчать это ополчение и, снабдив его деньгами и всѣмъ нужнымъ, съ честью проводила его въ Ярославлю. Нижегородское ополчение вмѣстѣ съ казаками очистило Московскій кремль отъ поляковъ, съ которыми томились тамъ юный бояринъ Михайль Феодоровичъ съ матерью своею инокинею Марою. Вслѣдъ затѣмъ Михайль Феодоровичъ съ матерью отправились въ свою Костромскую Домнинскую вотчину, гдѣ и жили до того времени, когда крестьянинъ Домнинской волости Иванъ Сусанинъ извѣстилъ ихъ объ угрожающей имъ опасности отъ поляковъ. Сусанинъ завела поляковъ въ противоположную отъ Домнина сторону, въ глухое Исупово болото, погибъ здѣсь мученически. Михайль Феодоровичъ съ матерью скрылись тѣмъ временемъ въ Ипатьевскую обитель. Сюда вскоре прибыло многочисленное носоство изъ Москвы съ предложениемъ Михайлу Феодоровичу царскаго вѣнца. Послѣ долгаго колебанія со стороны матери Михайла Феодоровича, инокини Мары, предложеніе наконецъ было принято, и Михайль Феодоровичъ въ первый разъ воссѣлъ на стулѣ царскомъ и принялъ въ руку жезлъ царскій въ Ипатьевской обители 14 марта 1613 г. Мы кратко обрисовали ходъ исторіи Костромы и Галича до царствованія Михайла Феодоровича, но дальнейшая ихъ исторія еще бѣдѣе.

Печатается по распоряжению Императорского Московского Археологического Общества.

Председатель Графиня Уварова.

